

Елена Арсеньева

Медная Венера (Аграфена Закревская – Евгений Боратынский – Александр...

Часть сборника
Женщины для вдохновения
(сборник)

Елена Арсеньева
Медная Венера
(Аграфена Закревская
– Евгений Боратынский
– Александр Пушкин)
Серия «Женщины для вдохновенья»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138440
Музы великих писателей: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-14294-0

Аннотация

«Брать крамольников решили ближайшей ночью. Ведь человек, приславший военному генерал-губернатору Москвы графу Закревскому анонимное послание, настаивал: заговорщики, которые ставят себе целью истребление всей царской фамилии и свершение государственного переворота, очень осторожны и при одном лишь намеке на опасность могут сменить места встреч. Тогда ищи их свищи! Нет, всенепременно надобно поспешить. И разумеется – последовать совету благонамеренного верноподданного: послать на конспиративную квартиру злоумышленников вооруженный до зубов наряд

полиции. Ведь и крамольники являются на свои губительные сборища с полной боевой оснасткой, ежеминутно готовые к убийству государя императора Николая Павловича и августейшего семейства...»

Содержание

От автора	5
Медная Венера (Аграфена Закревская – Евгений Боратынский – Александр Пушкин)	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Елена Арсеньева

От автора

Их глаза глядят со страниц романов, их смех звенит в строках стихов... Они вдохновляли поэтов и романистов. Их любили или ненавидели (такое тоже бывало!) до такой степени, что эту любовь или ненависть просто невозможно было удержать в сердце, ее непременно нужно было сделать общим достоянием. Благодаря им болезнь любви или ненависти заражала читателей. Их мало волновало, конечно, чьи коварные очи презираемы Лермонтовым, кого ревнует Пушкин, чьими страстями упивается Достоевский, чьим первым поцелуем украдкой любит Толстой, кого всю жизнь нежно обожает Тютчев и к чьим ногам слагают сердца герои Тургенева... Главное – глубина чувств, тайна, а не праздное любопытство!

Ну что ж, а мы – мы полюбопытствуем и заглянем в эту глубину, приподнимем покров этой тайны: любви или ненависти творцов к своим музам.

Медная Венера (Аграфена Закревская – Евгений Боратынский – Александр Пушкин)

Брать крамольников решили ближайшей ночью. Ведь человек, приславший военному генерал-губернатору Москвы графу Закревскому анонимное послание, настаивал: заговорщики, которые ставят себе целью истребление всей царской фамилии и свершение государственного переворота, очень осторожны и при одном лишь намеке на опасность могут сменить места встреч. Тогда ищи их свищи! Нет, все непременно надобно поспешить. И разумеется – последовать совету благонамеренного верноподданного: послать на конспиративную квартиру злоумышленников вооруженный до зубов наряд полиции. Ведь и крамольники являются на свои губительные сборища с полной боевой оснасткой, ежеминутно готовые к убийству государя императора Николая Павловича и августейшего семейства.

Ну что ж, не зря говорится: кто предупрежден, тот вооружен! А премудрые римляне еще и присовокупляли к сему: «Periculum in mora!»¹

¹ Промедление опасно! (*лат.*)

Посему решено было не мешкать, а действовать.

И вот она настала – ночь, назначенная для того, чтобы выжечь осиное гнездо, как выразился граф Арсений Андреевич Закревский, который, несмотря на суровую внешность и безупречный послужной список, порою любил добавить в речь чего-нибудь этакого, образного и где-то даже пиитического. Не напрасно знаменитый столичный стихотворец Евгений Боратынский, некогда служивший под его началом – в бытность Закревского генерал-губернатором Финляндии, – вспоминал это время как наиболее вдохновенное и волнующее в своей жизни! Да и еще более знаменитый Пушкин был своим человеком в доме Закревского...

Выжигать упомянутое гнездо были наряжены люди самые надежные и проверенные.

Вот они добрались до указанного в письме домика. Ишь, затаился в глубине старого, заросшего сада близ Арбата, яко тать в нощи... Боковая калиточка, как и сулил в своем письме благонамеренный доброхот, оказалась заранее приотворена. Бесшумные полицейские тени скользили по траве: дабы не производить лишнего бряцания, генерал-губернатор распорядился снять аксельбанты и отстегнуть шпоры, а накануне выхода наряда оснастку его лично проверил и своими руками отстегнул аксельбанты с забывчивого обер-полицмейстера.

Проникли в притон злодеев с черного крылечка, откуда они опасности не чужали и где, согласно доносу, караулила

одна только старуха. И точно – бабка клевала носом над вязаньем. Вскинулась было при скрипе двери, разинула рот – подать сигнал тревоги, да где там! И пикнуть не успела, как на нее коршуном налетели добры молодцы, забили кляп в рот, повязали, сунули в угол – и, держа на изготовку штыки и пистолеты, подступили к двери, из-за которой слышались пылкие мужские голоса. Слов разобрать было невозможно, однако наверняка произносились призывы к свержению существующего строя: чего бы им еще произносить, крамольникам-то, с этакой пылкостью?!

– Пойте, соловушки, поглядим, как в Нерчинске запое-те! – злорадно ухмыльнулся обер-полицмейстер и дал знак самому ражему из своих подчиненных.

Тот шагнул вперед и занес ногу. Этой ногой он на спор сшибал дубовые заборы, поэтому дверь, пусть даже запертая изнутри, не должна была сделаться для него серьезною преградой.

– Давай, Пятаков! – скомандовал обер-полицмейстер.

Пятаков ка-ак дал!... Дверь, правда, оказалась крепка: с петель не сорвалась, но засов не выдержал, створка распахнулась настежь.

– В сторону! – рывкнул обер-полицмейстер, и Пятаков покорно шархнулся, не имея ни малого желания подставлять себя под пулю разъяренного крамольника.

Обер-полицмейстер – слуга царю, отец солдатам! – первым шагнул в ярко освещенную комнату, да так и замер на

пороге.

Причем замер он настолько внезапно, что подчиненные, готовые с боевым задором бить, хватать и тащить, по крайности — держать и не пущать, ткнулись в его спину и едва не втолкнули начальство в комнату, словно застрявшую в бутылочном горлышке пробку. Не удалось им сделать этого лишь потому, что обер-полицмейстер словно окаменел, вцепившись обеими руками в косяк и уставившись ошалелым взором на крамольников.

Их было в комнате числом три, что уже изобличало неблагонамеренное сборище, ибо установленный законом порядок гласил: больше двух не собираться. Видать, разгорячившись при обсуждении ниспровержения основ самодержавия, злодеи совлекли с себя всю одежду до последней нитки, ну а заодно раздели находившуюся тут же даму.

Канделябров в комнате было достаточно, чтобы нагое тело сей особы видно было во всех подробностях. Любой и каждый мужчина, будь он хоть молодой пиит, хоть обер-полицмейстер преклонных лет, не пожалел бы эпитетов для восхвалений сего роскошного смугло-розового тела! Да и лицо дамы отличалось красотой замечательной, хоть она была уже вовсе даже не первой молодости. Впрочем, сей недостаток с лихвой возмещался юными годами ее сообщников.

Обсуждение ниспровержения упомянутых основ происходило на огромной кровати. Даже обер-полицмейстер, не говоря о нижних чинах, ничего подобного в жизни не ви-

дал! Кровать была воистину что вдоль, что поперек, поэтому на ней вполне удобно распростерся один из крамольников. Дама сидела верхом на нем и лихо при этом подпрыгивала. Для сохранения равновесия она держалась обеими руками за оружие... вернее будет сказать – за орудие второго злодея, который, судя по выражению его лица, ничего не имел против, а даже наоборот.

Впрочем, и лицо дамы было исполнено восторга... Но лишь до того мгновения, как ее блуждающий, затуманенный взор не остановился на остолбенелой фигуре господина обер-полицмейстера.

Небось целую минуту оторопевшая дама и ошалевший полицейский чин смотрели в глаза друг другу, а потом дама, не прекращая упоительной скачки, прокричала во весь голос:

– Негодяи! Мерзавцы! Кто посмел?!

– Великодушно из... – заикнулся обер-полицмейстер, ощутив, что у него подогнулись ноги. – Великодушно из...

– Вон отсюда! – с яростью завопила дама, и обер-полицмейстер отчаянным движением сдвинул когарту навалившихся на него подчиненных, прохрипев:

– Осади назад! Великодушно из...

Полицейских словно метлой вымело из дому. Начальство вынесли на руках. Его не слушались ни ноги, ни язык. Он только и мог что икать, беспрестанно повторяя:

– Великодушно из... ик! Великодушно из... ик!

Наконец Пятаков стукнул обер-полицмейстера по спине,

и тот перестал икать. Перевел дух, огляделся, обнаружил, что злодейский притон остался далеко позади, и с глубокой горечью проговорил:

– Что ж я его сиятельству-то скажу, а?

Потом подставил лицо свежему ночному ветерку и тихо, скупно, сурово, по-мужски всхлипнул.

А между тем граф Закревский в нетерпении мерил шагами кабинет. Ночь шла к исходу, и он понять не мог, отчего столь долго не возвращаются подчиненные. Неужели крамольники оказали сопротивление? Злодеи! И своя жизнь им не дорога, и чужой не жалко. Нет ли раненых среди храбрых полицейских?

Внезапно генерал-губернатору послышался какой-то шум в приемной. Широкими шагами он пересек кабинет и толкнул дверь. Пречудна'я открылась пред ним картина: дежурный адъютант чуть ли не за руку волок к кабинету обер-полицмейстера, а тот упирался, отмахивался, отнекивался и бормотал:

– А может, позже? Может, погода? Лучше я завтра зайду...

При виде изумленного лица графа Закревского он, впрочем, бормотать перестал, страшно покраснел и на деревянных ногах промаршировал в кабинет.

– Дозвольте дверку притворить, ваше сиятельство, – попросил чуть слышно, и после этого обуреваемый любопыт-

ством адъютант, как ни прижимал ухо к малой щелочке, услышать ничего не мог довольно долгое время, пока вдруг не раздалось сердитое восклицание генерал-губернатора:

– Нашел чем удивить! Да мне сие давно известно!

Наконец дверь распахнулась (адъютант едва успел отскокить), и вновь явился понурый обер-полицмейстер. Не глядя по сторонам, он прошел через приемную, а потом вдруг обернулся, покачал головой и выдохнул с лютым выражением:

– Ох, потаскуха, прости, господи! И когда она только утомится?

Вслед за этим он испуганно зажал рот рукой и поспешно вышел вон.

Адъютант непонимающе похлопал глазами и оглянулся на приоткрытую дверь губернаторского кабинета. Он увидел графа Закревского, который стоял около огромного книжного шкафа и перелистывал небольшую книжку. Заглавия видно не было. Перелистав несколько страниц, генерал-губернатор вперил взор в какие-то строки, прочел их, а потом с размаху швырнул книжку в угол и вышел в приемную, приказав:

– Вели подать мой экипаж.

Когда граф отбыл, изнывающий от любопытства адъютант мышкой прошмыгнул в его кабинет и поднял с полу растрепанный томик.

Это были стихи. На обложке значилось имя автора: *Евге-*

ний Боратынский.

Имя сие адъютанту ровно ничего не говорило, однако генерал-губернатор читал же почему-то творения сего пиита! Адъютант поворошил страницы и вскоре наткнулся на стихотворение, отмеченное резким росчерком начальнического ногтя. Называлось оно «Делии» и гласило:

Зачем, о Делия! сердца молодые ты
Игрой любви и сладострастья
Исполнить силишься мучительной мечты
Недостигаемого счастья?
Я видел вокруг тебя поклонников твоих,
Полуиссохших в страсти жадной:
Достигнув их любви, любовным клятвам их
Внимаешь ты с улыбкой холодной.
Обманывай слепцов и смейся их судьбе,
Теперь душа твоя в покое;
Придется некогда изведать и тебе
Очарованье роковое!
Не опасаясь насмешливых сетей,
Быть может, избранный тобою
Уже не вверится огню любви твоей,
Не тронется ее тоскою.
Когда ж пора придет и розы красоты,
Вседневно свежестью беднея,
Погибнут, отвечай: к чему прибегнешь ты,
К чему, бесчарная Цирцея?
Искусством округлишь ты высохшую грудь,

Худые щеки нарумянишь,
Дитя крылатое захочешь как-нибудь
Вновь приманить... но не приманишь!
Взамену снов молодых тебе не обрести
Покоя, поздних лет отрады;
Куда бы ни пошла, взорятся на пути
Самолюбивые досады!..

Дежурный адъютант не принадлежал к числу любителей поэзии и со скукою прикрыл томик, не дочитав стихов. К тому же его куда сильнее занимал вопрос о судьбе крамольников. Выходит, и крамольников никаких не было? Выходит, налгал аноним? Зачем, спрашивается?

Адъютант с недоумением пожал плечами, а потом присел к своему столу и открыл папку с инструкциями. Сие чтение было его душе куда ближе!

Ей-богу, наш служака был бы гораздо внимательней к непонятым поэтическим строкам стихотворца Боратынско-го, когда бы знал, кого подразумевал поэт под именем «бесчарной Цирцеи». Волшебница Цирцея лишала мужчин разума и воли, обращала их в животных чарами своей красоты и сладострастия. Совершенно такой же была всегда, с ранней юности, и оставалась теперь, прожив чуть не полвека, женщина, которую нынче застал обер-полицмейстер в самый разгар ее, выражаясь пиитическим штилем, *вакхических забав*. Это была притча во языцех обеих столиц: Аграфена Федоровна Закревская, супруга генерал-губернатора, а также

бывшая любовница поэта Евгения Боратынского. Бывшая любовница, бывшая любовь и бывшая его муза.

* * *

Когда девятнадцатилетнюю Грушеньку Толстую выдали в 1818 году за генерала Арсения Закревского, многие петербургские мамы завистливо завздыхали. Генералу едва исполнилось тридцать два года, и он был весьма обласкан государем Александром Павловичем, в числе адъютантов ко-его состоял: император самолично сватал за него очаровательную невесту. Арсений Андреевич всего в жизни достиг своим трудом и вовремя найденной протекцией: происходя из небогатых дворян Тверской губернии, Отечественную войну провел при штабе Барклая-де-Толли, во время заграничного похода за деловитость был особо отмечен императором и вскоре стал служить при нем. И это несмотря на незнатность рода! А Толстые... Ну что ж, имя громкое, род древний, да не всяк старый колоколец ладно звенит. Кузена Грушеньки, Федора Петровича Толстого, прозвали за причуды и склонность к безумным путешествиям за океан «русским американцем». Ну, он хоть был при этом порядочным скульптором и живописцем, автором серии медальонов, посвященных Отечественной войне 1812 года, а впоследствии сделался даже вице-президентом Академии художеств. Отец же Грушеньки, Федор Андреевич, был, как в ту пору го-

ворили, не дальнего ума и прославился своим бессмысленным прекраснодушием: обожал собирать старинные рукописи, не имея ни образования, ни самостоятельно приобретенных знаний. Всякому торговцу старьем было известно, что этому невеже можно любой список всучить, приплетя к нему какую-нибудь диковинную историю. Толстой был легковверен до глупости: как-то раз приятели разыграли его, подсунав ему современное письмо, написанное женской рукой, и выдав сей «документ» за автограф Марии Стюарт. И что же? Федор Андреевич на проделку сию охотно купился и потом еще долго хвалился в свете редкостным приобретением.

Жена его, *belle Stephanie*, прекрасная Степанида (урожденная Дурасова), относилась к тому немалому числу русских барынь, которые, найдя в муже покорного потатчика всем своим причудам, немедленно начинают ноги об него вытирать. Однако идет время, никакие новые и новые капризы им уже утехы не приносят, постепенно сами причуды сходят на нет, любовники и наряды не радуют, и дамы с тоски и скуки начинают хворать. Вдобавок с течением лет муж от супруги так устал, что предпочитал общение со старинными бумажками общению с ней.

Хворь госпожи Толстой выражалась в припадках самой дикой истерии. Ее бы, эту самую *belle Stephanie*, высечь, как сечет в деревне мужик свою жену-кликушу, однако Федор Андреевич был человек мягкосердечный и предпочел передать жену на попечение докторов. Те ее и заморили, врачуя

болезни, коих у нее в жизни не бывало.

Грушенька, портрет маменьки, была к ней чрезвычайно привязана и видела в ней образец того, как до́лжно вести дом (а именно – никак), как обращаться с мужем (держат в черном теле) и как развлекаться (иметь побольше тайных и явных любовников). Впрочем, последней премудрости Грушеньку и учить не было надобности, ибо уродилась она необычайно страстной особою. Еще до замужества тянуло ее к плодам запретным, однако belle Stephanie сумела соблюсти дочь и выдать ее замуж прежде, чем та познала бы сладость греха с каким-нибудь обворожительным конюхом, смазливym лакеем или хорошеньким гвардейским офицериком, очередной причудою самой Степаниды Алексеевны.

Впрочем, в том, что Грушеньку выдали замуж все же девицею, была заслуга не столько матери с отцом, сколько бабушки-староверки. Еще и много лет спустя будет графиня Закревская страдать от раздвоения собственной воли: зачитываться любовными романами (и заводить их бессчетно!), а после этого слезно молить об искуплении грехов, творя двухперстное, старообрядческое крестное знамение.

Арсений Андреевич был, конечно, служака ретивый, однако принадлежал к числу тех мужчин, которые супружеские обязанности исполняют именно что по обязанности. Разохо-тив молодую жену, он ее ни в коем случае не удовлетворял, а впрочем, судить его за то трудно, ибо сия задача всяко была б ему не по силам – с его-то возможностями. К тому же он,

бедолага, и знать не знал, что женщина в постели тоже должна кое-что получать... и это отнюдь не деньги за доставляемое удовольствие. И вот постепенно начала у дочери belle Stephanie развиваться та же болезнь, что развилась некогда у маменьки, а именно: истерия на почве хронической неудовлетворенности. Болезнь эта усилилась после кончины Степаниды Алексеевны.

Нервические припадки Грушеньки очень беспокоили ее мужа, который вступил на тот же скользкий путь, что и его тесть: всячески потворствовал капризам жены и словно в упор не видел, что в их доме толчется чрезмерно много молодых и красивых мужчин. То есть они как бы приходили выражать сочувствие больной прелестнице – ну а что выражалось сие сочувствие исключительно в ее будуаре, так ведь больная и должна лежать в постели...

Увы, лежать там одна Аграфена решительно не хотела! И частенько мужчина, явившийся ее навестить (запросто, по-дружески, даже где-то по-товарищески!), бывал в сию постель (*в постелью*, как говаривали в описываемое время) увлечен. Как правило, воспринималось сие с удовольствием, потому что Аграфена, повторимся, была собою прекрасна, истинная la belle. Однако кое-каких слабаков ее любовная ненасытность пугала. В их числе оказался и некто Шатилов, в которого наша чаровница внезапно влюбилась, да так, что пожелала давать ему доказательства своей привязанности по нескольку раз на дню. Более того – еще настаивала, чтобы он

тайно, с помощью верной горничной, проникал к Аграфене Федоровне и ночью. Вскоре Шатилов уже на ногах не стоял, исхудал, побледнел и на службе совершал такие оплошности, от которых его карьера вскорости должна была сойти на нет. А вот Аграфена явно повеселела, поздоровела и беспрестанно вела разговоры о том, что им с любовником нужно встречаться чаще. Предчувствуя свою неминуемую гибель, в помрачении сознания, Шатилов однажды при встрече с генералом Закревским разрыдался и чуть ли не в ножки ему кинулся, каючись в грехе прелюбодеяния и... умоляя спасти его от домогательств Аграфены Федоровны!

История сия сделалась известна, но никого особенно не удивила: о похождениях Аграфены Федоровны уже давно втихомолку судачили. Арсений же Андреевич оказался в ситуации непростой, из которой предпочел выйти с каменным выражением лица, сделав вид, будто ничего не случилось.

Он очень любил жену, вот какая беда! Говорят, у каждого человека непременно сыщется в жизни особа, против коей он бессилен, чарам коей не может противостоять. Таким человеком для Арсения Андреевича была его жена... Так что в доме Закревских ничего не изменилось, ну разве что Шатилова велено было не принимать. Да, впрочем, он и сам обходил сей особняк стороной, не ленись лишний раз давать порядочного крюку, лишь бы не попасться на глаза ненасытной Аграфене.

В числе приятелей Закревских, принятых в их москов-

ском доме, был некий Александр Яковлевич Булгаков, чиновник и приятель, к слову сказать, Петра Вяземского, Александра Тургенева и Василия Львовича Пушкина. Господин Булгаков был завзятый сплетник и частенько сообщал своему брату Константину Яковлевичу из Москвы в Петербург все самые свежие новости, касаемые светской жизни.

В ноябре 1821 года А. Булгаков писал брату о болезни Аграфены Федоровны: «Закревская все так же; только я не одобряю, что всех к ней пускают. У нее нервы расстроены ужасно, я видел это во время смерти матери ее, а всякий к ней входит, все с ней болтают, а главное для нее лекарство – покой и покой. Этого мало. Она все читает, и что же? Романы! А тут одно трогает, другое сердит, третье пугает, и все тревожит. Она себя очень расстраивает этим».

А спустя несколько дней господин Булгаков сообщал: «Закревской все то лучше, то опять припадки. По моему суждению, у нее просто падучая болезнь. Припадки делаются вдруг, и пресильные. Кажется, и добрый наш Арсений подозревает это. Его очень убивает положение жены его. Утешение иметь детей, кажется, у него отнято».

Этот прелестный эвфемизм означал, что Арсений Андреевич отлучен от супружеского ложа. Аграфена Федоровна сделалась невыносима, просилась уехать. Доктора смотрели на сие предприятие благосклонно: припадочная красавица с ее причудами им изрядно осточертела. Поразмыслив, Закревский решил отправить жену в Италию на лечение, хоть

ради этого пришлось залезть в долги – в счет доходов будущего года.

Разумеется, и речи не шло о том, чтобы супруг сопровождал ее: с Аграфеной Федоровной отправился отец. Толстой был просто в восторге и предвкушал покупки очередных антиков. Отправив в сентябре 1822 года жену, Закревский вернулся в Петербург, и теперь уж Константин Яковлевич Булгаков отписывал брату: «Закревский болен. Я вчера долго у него был. Он при мне получил письмо из Венеции от жены. Тесть дорогой нашел средство и там купить три манускрипта. Хвалит, как все дешево. Дочь его удерживает от покупок, хорошо, как бы и пример ему показывала собою, но этому мудрено поверить».

Ох, прозорлив оказался Булгаков!

Belle Аграфена под южным солнцем расцвела и распустилась вполне, как истинная северная роза (так итальянцы настойчиво называли всех без исключения русских красавиц). Однако вспомним, что слово «распустилась» в русском языке многозначно...

Очень скоро до Петербурга доползли слухи о том, что у Аграфены Закревской завязался бурный роман с графом Леопольдом Кобургским.

В описываемое время младшему сыну герцога Саксен-Кобургского было чуть более тридцати, но по сравнению с положительным, уравновешенным, немногословным, сдержанным, а проще сказать – занудным Арсением Закревским он

был само сверканье мужского очарования, беззаботности, легкомыслия и удачливости. Бонвиван, папильон, жуир, ловелас... et cetera, et cetera! При этом – умнейший человек. Граф Леопольд находился в дружеских, а не служебных отношениях с самим императором Александром Павловичем и даже сопровождал его на Эрфуртский и Венский конгрессы; он был женат на Шарлотте-Августе, дочери принца Уэльского Георга IV и вероятной наследнице английского престола... Правда, жена его умерла спустя год после свадьбы, не оставив детей, однако британцы продолжали прекрасно относиться к графу Саксен-Кобургскому: особым парламентским актом он был натурализован в Англии, сделан фельд-маршалом и членом тайного совета.

Блага жизни и любовь прекрасных дам просто-таки сыпались на очаровашку Леопольда, поэтому он ничуть не удивился, что очередная *северная роза* решила осыпать его своими благоуханными лепестками. Он охотно принял все, что решилась ему отдать восхитительная Агриппина (графу Кобургскому нравился именно этот, латинизированный и, конечно, куда более изысканный вариант имени его новой пассии), однако довольно скоро ее экзальтированность и безумства стали его угнетать. Не то чтобы Леопольд был принципиально против сцен ревности... Пожалуй, они даже льстили его мужскому самолюбию. Но когда твоя тайная любовница вдруг на бале, посреди множества народу, начинает хлестать тебя по щекам перчаткою (пусть даже сшитой из тончайше-

го лилейного шелка, пусть даже облегающей самую совершенную и нежнейшую на свете ручку!) и выкрикивать своим мелодическим, чарующим голосом какие-то жуткие слова (пусть даже совершенно непонятные, пусть даже на чужом языке, но ведь порою выражение лица может с успехом заменить толмача)... Это, воля ваша, как-то не вполне совместимо с титулом графа, с положением отпрыска знатного рода и, строго между нами, будущего короля...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.